

УДК 82.09; 115; 7.01
ББК 83.0:87

Захарова Елизавета Михайловна

Институт Мировой литературы имени М. Горького РАН, младший научный сотрудник,
Россия, Москва, e-mail: elizakharova2019@gmail.com

Хронотоп литературно-критического высказывания (на материале книг И.И. Виноградова)¹

Феномен неопределенного статуса литературной критики приводит к отсутствию ясности в ее терминологическом аппарате. В частности, нет единства в вопросе о том, что считать сюжетом литературно-критического высказывания, как определить его мотивную структуру или выявить совокупность семантических полей. Предметом исследования является литературоведческая категория хронотопа, используемая для анализа поэтики критического текста. Исследование проведено на материале сборников И.И. Виноградова (1930–2015 гг.) «Как хлеб и вода. Искусство в нашей жизни» (1963 г.), «Искусство. Истина. Реализм» (1975 г.), «По живому следу. Духовные искания русской классики» (1987 г.) с привлечением фактов текстологии, биографических данных и свидетельств об историческом контексте. Несмотря на искусственность разделения хронотопа как объединяющей тексты доминанты, для наиболее целостного представления последовательно характеризуется каждая из ее частей. Под пространством, не в физическом, но в текстовом отношении, понимается совокупность скрепляющих статьи факторов на формальном уровне (жанровый формат, заголовочные комплексы, полиграфическое оформление). Образ автора рассматривается как полифункциональный: выстраивание внутренней связи и сюжетной линии. Демонстрируются функции хронологического аспекта: ответственность за историко-культурный и биографический контексты, датирование, содержательную трансформацию статей. Делается вывод о возможности применения комплексного взгляда на совокупность хронотопических характеристик суждения и методологических предпочтениях критика в целом.

Ключевые слова: литературная критика, хронотоп, поэтика, сюжет, философская критика, книга литературно-критических статей, имплицитные компоненты, эксплицитные компоненты, жанр, структурно-семантическое единство

Zakharova Elizaveta Mikhailovna

Gorky Institute of World Literature of Russian Academy of Sciences, junior researcher,
Russia, Moscow, e-mail: elizakharova2019@gmail.com

Chronotope of literary-critical judgement (based on books of I.I. Vinogradov)

The phenomenon of the undefined status of literary criticism leads to a lack of clarity in its terminological apparatus. In particular, there is no unity on the issue of what to consider as the plot of a liter-

---

© Захарова Е.М., 2020

Соловьёвские исследования, 2020, вып. 4, с. 162.

¹ Исследование выполнено в Институте мировой литературы имени А.М. Горького РАН за счет гранта Российского научного фонда (РНФ, проект № 17-18-01432-П). This research was conducted at the A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences with financial support of the Russian Science Foundation (RSF, the project No. 17-18-01432-P).

ary-critical utterance, as well as how to determine its motivational structure, or to identify a set of semantic fields. The subject of this research is the literary category of the chronotope, which is used to analyze the poetics of a critical text. This study was carried out on the basis of the collections of I.I. Vinogradov (1930-2015) "Like bread and water. Art in Our Life" (1963), "Art. True. Realism" (1975), "On a living track. Spiritual Searches of Russian Classics" (1987) with the involvement of textual criticism, biographical data and evidence of the historical context. Despite the artificiality of dividing the chronotope as dominant uniting texts, each of its parts is consistently characterized in order to accomplish the most complete presentation. Space, not in physical, but in textual terms, is understood as a set of factors that bind articles together at a formal level (genre format, heading complexes, typography design). The author's image is viewed as multifunctional: it builds an internal connection and a storyline. The functions of the chronological aspect are also shown: responsibility for the historical, cultural and biographical contexts, dating, meaningful transformation of articles. The conclusion deals with the possibility of using a complex view of the totality of chronotopic characteristics of judgment and the methodological preferences of the critic as a whole.

Key words: literary criticism, chronotope, poetics, plot, philosophical criticism, book of literary critical articles, implicit components, explicit components, genre, structural and semantic unity

DOI: 10.17588/2076-9210.2020.4.162-176

Хронотоп как термин литературной критики

Содержание введенного А.А. Ухтомским² понятия «хронотоп» в современном литературоведении является общепринятым. В поэтике термин обозначает «взаимосвязь и взаимообусловленность (при доминировании временного начала) временных и пространственных образов и характеристик мира персонажей литературного произведения»³. Пространственные и временные характеристики, образуя подчинительные отношения, представляют целостность: «время здесь сгущается, уплотняется, становится художественно-зримым, пространство же интенсифицируется, втягивается в движение времени, сюжета, истории»⁴. Залогом такого слияния или точкой пересечения разнородных явлений является герой как носитель определенного кругозора и систем ценностей. Теория пространства-времени изложена М.М. Бахтиным с опорой на жанр романа. Однако, если иметь в виду широкое распространение категорий пространства и времени в гуманитарной сфере, психологии, литературоведении, культурологии, а также их повсеместную универсализацию как «единства пространственных и временных параметров, направленного на выражение определенного (культурного, художественного) смысла»⁵, допустимо предположить обоснованность их использования в теории литературной критики.

² См.: Летина Н.Н. Российский хронотоп в культурном опыте рубежей (XVIII–XX вв.) Ярославль: Изд-во ГОУ ВПО «ЯГПУ им. К.Д. Ушинского», 2009. С. 7 [1].

³ См.: Тamarченко Н.Д. Хронотоп // Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий / под ред. Н.Д. Тamarченко. М.: Изда-во Кулагиной, 2008. С. 287 [2].

⁴ Там же. С. 288.

⁵ См.: Ирза Н.Д. Хронотоп // Культурология XX век. Энциклопедия/ Т 2 М-Я / гл. ред., сост. и авт. проекта С.Я. Левит / отв. ред. Л.Т. Мильская. СПб.: Университетская книга, 1998. С. 909 [3].

Неопределенность статуса литературной критики как феномена приводит к отсутствию ясности и в ее терминологическом аппарате. В частности, нет единства в вопросе о том, что считать сюжетом литературно-критического высказывания, как определить его мотивную структуру или выявить совокупность семантических полей. В нашем исследовании обосновывается приемлемость использования литературоведческой категории хронотопа для анализа поэтики критического текста. С опорой на общепринятое в литературоведении утверждение о том, что личность автора определяет как структуру, так и семантику критического рассуждения, закономерно руководствоваться положением об определяющей роли авторского сознания в формировании хронотопа⁶ и воздействия на данную категорию аксиологии, воображения, памяти, восприятия.

Структурно-семантический подход с привлечением фактов текстологии, биографических данных и свидетельств об историческом контексте на материале книг И.И. Виноградова (1930–2015) «Как хлеб и вода. Искусство в нашей жизни» (1963 г.), «Искусство. Истина. Реализм» (1975 г.), «По живому следу. Духовные искания русской классики» (1987 г.) позволяет рассмотреть компоненты, способствующие формированию структурно-семантических единств. Несмотря на искусственность разделения хронотопа как объединяющей тексты доминанты, для наиболее целостного представления последовательно рассматривается каждая из ее частей. Внутренняя связность образуется благодаря выстраиванию образа автора как центральной фигуры, отвечающей за сюжетную линию. Кроме того, имплицитному объединению способствует хронологический аспект (историко-культурный и биографический контексты, датирование), а также содержательная трансформация статей. Под пространством, не в физическом, но в текстовом отношении, следует понимать совокупность скрепляющих факторов на формальном уровне (жанровый формат, заголовочные комплексы, полиграфическое оформление). Поэтика и дизайн коррелятивны именно топосу, моделирующему хронотоп, благодаря тому, что стилистические особенности отражают специфику мысли автора на образном уровне. Так, заголовочный текст нередко задумывается автором «как неразвернутая общая идея сочинения, в котором написанное слово тесно связано с жизнью, ею определяется»⁷. Совокупность содержательных и формальных характеристик позволяет делать выводы не только о хронотопической организации текстов (критик как писатель), но и о методологических предпочтениях автора (критик как философ).

⁶ См.: Левина Л.А. Взаимодействие точек зрения и хронотопа на материале романа Хилари Мантел «An Experiment in Love» // Альманах современной науки и образования. № 6 (73) 2013. С. 95 [4].

⁷ См.: Едошина И.А. Смысл и функции заголовочного текста книги «Столп и утверждение истины» свещ. П.А. Флоренского // Соловьёвские исследования. 2016. Вып. 4(52). С. 146 [5].

Временная организация литературно-критического текста

Многие понятия, используемые в теории литературной критики, в настоящее время предельно уязвимы из-за отсутствия однозначного их толкования: интерпретация их значений полностью зависит от позиции исследователя. Нет, например, единственно верного ответа на вопрос, что есть «сюжет литературно-критического сочинения»⁸ или как наиболее точно определить его мотивную структуру и выявить совокупность семантических полей. Этот ряд можно было бы продолжить, но в нашем исследовании акцент ставится на специфике одной из наиболее дискуссионных категорий, а именно понятия хронотопа. Среди немногочисленных попыток истолкования понятия наиболее обоснованной представляется позиция Ю.В. Зверевой, защитившей диссертацию по философской критике 90-х годов XIX века⁹. В работе Ю.В. Зверевой дается следующее определение времени литературно-критического текста философского направления: «Для философской критики предметом художественного изображения является человек с точки зрения его родовой, вневременной (субстанциальной) сущности, и время также характеризуется стремлением к обобщенности, универсальности, ... рамки конкретной исторической эпохи ... раздвигаются до обобщенного, универсального» [7, с. 115–116]. На материале статей приверженца философского направления в литературной критике Ю.Н. Говорухи-Отрока в работе дается следующая характеристика временной организации: «в цикле критических статей постоянно соотносятся современность и религиозное представление о времени, которое в концепции критика универсально, потому что охватывает прошлое, настоящее и будущее»; «обращение к образам и стихам Евангелия помогает ... аргументировать свое понимание природы человека. Для критика предмет изображения в литературе – вечное, субстанциональное начало человеческой души, поэтому параллели с Евангелием подчеркивают именно вневременной, общечеловеческий аспект рассматриваемых произведений» [7, с. 125–126].

Фокус нашего внимания направлен на три книги И.И. Виноградова – представителя философской критики более позднего периода.

Историко-культурный и биографический контексты

Как литературный критик Виноградов известен с 1957 года. Статьи публиковались в основном на страницах «Нового мира». Одна из первых монографий была выпущена в 1963 году, но издательская судьба препятствовала тому, чтобы с ней ознакомился широкий читатель¹⁰. Переиздана она не была,

⁸ См.: Штейнгольд А. М. Анатомия литературной критики. Природа. Структура, Поэтика. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. С. 117 [6].

⁹ Зверева Ю.В. Философская критика 90-х годов XIX века: На материале статей Ю.Н. Говорухи-Отрока и А.Л. Волынского: дис. ... канд. филол. наук. Пермь, 2006. 171 с. [7].

¹⁰ См.: Хализев В.Е. В кругу филологов. М.: Прогресс-Плеяда, 2011. С. 69–70 [8].

поэтому и сегодня сохранившиеся экземпляры являются библиографической редкостью.

Спустя более чем двадцать лет в издательстве «Советский писатель» была напечатана уже седьмая по счету книга литературного критика «По живому следу. Духовные искания русской классики». И если первое из рассматриваемых самостоятельных выступлений в жанре крупной формы вобрало в себя высказывания критика относительно общеэстетических и теоретических проблем искусствознания, то издание 1987 года явилось своеобразным подведением итогов практической деятельности критика, ибо под одной обложкой появились написанные в разное время работы о Л.Н. Толстом, Ф.М. Достоевском, М.А. Булгакове и других писателях и мыслителях XIX–XX вв. Важно сказать о том, что к вопросам сугубо теоретико-методологического характера критик возвращался неоднократно. Так, в 1975 году появилась книга «Искусство. Истина. Реализм». Вошедшие в нее очерки опровергают модернистскую эстетику. Рассуждая о задачах искусства в целом, автор утверждает собственную концепцию существования художественных миров. И здесь главным принципом оказывается невозможность принять идею автономности искусства. И хотя появление названных работ отделяют десятилетия, а между собой они имеют больше различий, чем сходств, при рассмотрении их структурно-семантического единства и построения типологии представляется несомненным условие их изучения в совокупности, как взаимодополнительных явлений. Более того, объединенные статьи о русских классиках следует рассматривать как практическое воплощение своеобразных манифестов 1963 и 1975 годов.

Рост самостоятельных публикаций в жанре отдельных книг, как отмечает С.И. Чупринин, среди литературных критиков наблюдался ярче всего в 60–80-е годы XX века. Исследователь обосновывает усиление персонализации и писательско-художественного направления в литературной критике, а также приобретение ее главными действующими лицами особенного статуса в общественной и культурной жизни страны. Именно в это время наблюдался «расцвет авторских индивидуальностей», нередко соперничавших с писателями: «критик заботился о передаче собственного (духовного, литературного, гражданского опыта), насыщая свои работы исповедальными, автобиографическими мотивами, подчеркивая глубоко личный, частный характер своих суждений и оценок»¹¹.

В книге «Гражданская война слов. Российская литературная критика периода перестройки»¹² также утверждается: «В советские времена, помимо ежемесячных журналов и некоторых еженедельных газет, особенно “Литера-

¹¹ См.: Чупринин С.И. Творческая индивидуальность критики и литературный процесс 1960–1980-х годов: автореф. дис. ... д-ра. филол. наук. М., 1993. С. 24 [9].

¹² Менцель Б. Гражданская война слов. Российская литературная критика периода перестройки. СПб.: Академический проект, 2006. 400 с. [10].

турной газеты”, важнейшим видом публикации была книга. В этом смысле книга в России, стояла по сравнению с Западом, необычайно высоко. У всякого мало-мальски уважаемого критика за годы профессиональной деятельности обычно был напечатан целый ряд книг. До перестройки в списках публикаций известных критиков насчитывалось не менее десятка книг. Литературная критика в форме книги – это сборники прежде опубликованных статей и монографические исследования творчества отдельных авторов или – правда, гораздо реже, – проблем литературы. Несмотря на актуальность авторских подходов, монографии обычно претендовали на научность и были по большей части выражением институционального сращения литературы, критики и литературоведения» [10, с. 129–130].

Можно предположить, что стремление литературных критиков выступить в жанре книги – это, с одной стороны, следствие интереса к наследию символизма, когда стремление к циклизации наблюдалось во многих отраслях литературы. А с другой стороны, публикация статей в книжном формате являлась одним из условий вступления литературного критика в Союз писателей. Работы, составлявшие сборники, создавались авторами в разное время и первоначально публиковались преимущественно на страницах литературно-художественных журналов. Благодаря такому подходу изначально остро актуальные тексты обретали вторую жизнь, а их авторы предлагали собственное видение пути искусства. Ни одна из рассматриваемых книг И.И. Виноградова не стала исключением. Все они имеют схожую творческую судьбу: появление статей и очерков на страницах литературно-художественных журналов, внесение в них авторских и редакторских исправлений, повторная публикация – включение доработанного текста в состав самостоятельной книги литературного критика.

Неотъемлемой частью поэтики каждой из статей является дата первой публикации. И в связи с этим нельзя не обратить внимание на обращение критика к той или иной теме в определенный момент времени. В статьях внимание критика направлено на творчество авторов-классиков (Д.И. Писарев, Ф.М. Достоевский, Л.Н. Толстой), однако при исследовании вопроса о том, чем вызвано обращение критика к определенной теме, становится очевидным, что написание текстов о писателях-классиках было определено актуальными событиями. Таким образом, волновавшие литераторов в XIX веке проблемы получают новое современное звучание.

На время как на непосредственный момент диалога автора с читателем о современных или классических произведениях накладывается духовный, а значит, исторически и биографически обусловленный опыт самого критика. Подтверждение сказанному – творческая история работы «Философский роман Лермонтова». Категория времени в литературно-критическом творчестве Виноградова приобретает дополнительный объем. В 1964 г. в раздел литературной критики десятого номера журнала «Новый мир» была помещена двадцатидвухстраничная статья. Текст, переживший более чем полувековую ис-

торию благодаря трехкратному переизданию (1964 г., 1987 г., 2005 г.), стал новаторским как в лермонтоведении, так и в литературной критике.

В докторской диссертации Н. Биуль-Зедгинидзе¹³, единственном монографическом исследовании, где анализируется литературная критика Виноградова, отмечается рубежный характер даты выхода статьи. Исследовательница выделяет два периода в творчестве Виноградова: первый – «приблизительно до 1964–1965 гг. – отмечен близостью к идеологии революционно-демократического типа (на уровне платформы «социализма с человеческим лицом»), опорой на традиции критики В.Г. Белинского, Н.Г. Чернышевского, Н.А. Добролюбова, а также на марксизм» [11, с. 159]. Тогда как второй определяется вниманием к «философии “существования”, “эпохе безвременья”, “критическим” общественным ситуациям – и позиции свободной, суверенной личности в экстраординарных условиях. Это ... начало философских штудий, поиск ответов, ... на “самые проклятые вопросы” современности – вопросы “бытийно-психологического” и “экзистенциально-философского” характера» [11, с. 205]. Именно на данном этапе Виноградов обращается к русской литературе золотого века: опубликованы сходные по тематике и подходу статьи и книги – «Завещание Мастера», «“Вопрос жизни” и мытарства “разумной веры” Льва Толстого», «Диалог Белинского и Достоевского: философская алгебра и социальная арифметика», «Духовные искания русской классики».

Появление статьи о философском романе М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» в середине шестидесятых годов было созвучно духу эпохи. В это время все ярче обнаруживаются сомнения в запретах и предписаниях, налагаемых на литературу и критику партией. Тенденцией стали отказ от нормативного метода и погружение в коренные вопросы жизни. Атмосфера искусственно созданного, насаждаемого сверху «нравственного вакуума», в которой оказался Печорин, утративший веру в возможность социальных перемен, соотносится с «периодом перехода от одного социального тренда к другому»¹⁴. В образе Печорина был явлен пример того, к чему приводит сознательный уход от ожиданий.

Несмотря на то, что тексты, вошедшие в состав каждой из книг, написаны и опубликованы в разные периоды, временную принадлежность вернее всего рассматривать относительно публикации книги в целом. Интерес представляет движение каждого текста во времени: трансформации, добавления, исправления под воздействием исторических и сугубо личных обстоятельств жизни автора стали неотъемлемой чертой поэтики всех работ Виноградова. Связана данная особенность прежде всего с тем, что редакции отделялись друг от друга переменами в мировоззрении Виноградова, для которого соб-

¹³ Биуль-Зедгинидзе Н. Литературная критика журнала «Новый мир» А.Т. Твардовского (1958–1970 гг.). М.: Культурно-просветительский центр «Первопечатник», 1996. 439 с. [11].

¹⁴ Сойфер В.Н. Жизнь и судьба Игоря Виноградова [Электронный ресурс] URL:<http://novymirjournal.ru/index.php/projects/preprints/179-soifer-vinogradov> (Дата обращения: 12.03.2020) [12].

ственная, даже опубликованная статья не переставала быть единым живым текстом, куда не только допустимо, но и необходимо при малейших внутренних или внешних изменениях в соответствии с «сегодняшним взглядом на вещи»¹⁵ вносить правки.

Пространство как условие структурно-семантического единства: оформление, заголовочный комплекс

Несмотря на тот факт, что ни одна из взятых для анализа книг не сопровождается иллюстрациями, что в целом характерно для литературно-критических книг как жанра, нельзя не обратить внимание на оформление обложек. Так, в одной из самых ранних монографий Виноградова «Как хлеб и вода. Искусство в нашей жизни» стиль заголовочного комплекса приближается к игровому. Вызывающе яркий цвет прописных букв заголовочного комплекса соответствует и смелости поднимаемой темы. Впоследствии акцент на цветовом решении заглавия будет использован и в книге «Искусство. Истина. Реализм». Здесь каждая из составляющих название частей выдержана в собственной палитре, что косвенным образом предупреждает читателя о том, что общность не исключает самостоятельности отдельных компонентов. Полиграфическое оформление, следовательно, демонстрирует критика как литератора, который стремится к автономии собственных произведений в целях объединить под одной обложкой преодолевшее дискретность высказывание.

Заголовочный комплекс, включающий в себя эпиграфы, комментарии, примечания, послесловия, а также оглавление, в работах Виноградова предстает настолько самостоятельным компонентом, что появляется возможность рассматривать данный компонент поэтики изолированно, в аспекте самостоятельного текста. В работах Виноградова заголовочные комплексы действуют сразу в трех направлениях. Во-первых, начало текста служит косвенным указанием на методологию критика. Вторая функция заглавного элемента может быть обозначена как способ выстраивания диалога с участниками литературного процесса (читателями, писателями, оппонентами). И еще одна, но оттого не менее важная роль данного текстового элемента – конструирование собственного критического сюжета. Полифункциональность заглавия, таким образом, позволяет сделать вывод о выполнении в контексте книги литературно-критических статей единого задания.

В этом структурировании критик проявляет себя и как художник, поскольку здесь представлен результат осмысления написанного ранее, идейная обработка вошедших в состав книги статей. Можно говорить о художественном начале благодаря фрагментарно используемой игре слов. Для более целостного взгляда на номинативную часть книги необходимо предложить типологию заглавий, а также их характеристику.

---

¹⁵ См.: Виноградов И.И. Духовные искания русской литературы. М.: Русский путь, 2005. С.12 [13].

1. *Цитатные заглавия* («Нет никакого нищезанятия?»; «Совокупность разрушений»; «Чисто эстетический мир»). Заимствованные заголовочные комплексы не исчерпываются «чужим словом», ибо критик, до конца в нем не растворяясь, привносит нечто свое. И в таком подходе нельзя не разглядеть элемент сотворчества.

2. *Полемические, или вопросные, заглавия* («Кто же прав?»; «При чем или ни при чем интуиция Бергсона?»; «Нет никакого нищезанятия?»). Вопросы создают риторический эффект, ибо максимально обобщенные вопросы не дают информации о предмете последующего критического рассуждения.

3. *Комбинированные заглавия*. В данной группе заглавия сочетают в себе как слово критика, так и взятую им из рассматриваемого произведения цитату. Такой симбиоз («Дьявол Адриана Леверкюна и “дьявол” нацизма»; «Легенда о “старых мастерах”»; «Высшая эстетическая форма “человеческого присутствия”»; «Диктат действительности и свобода искусства») тоже отчасти приближает литературного критика к автору художественного произведения.

4. *Метафорические заглавия* («Сказка о свече и погребу»; «Реальные судьбы идей»; «Прекрасные судьбы идей»). Заглавия этой группы затемняют смысл последующего текста, не дают представления о содержании статьи, однако в наибольшей мере демонстрируют литературного критика с позиции литератора и художника.

5. *Заглавия, задающие жанровую принадлежность* («К вопросу о черни и тысячелетней истории тирании»; «Некоторые выводы»; «Аргументы»). Данная группа демонстрирует литературного критика в амплуа логичного и строго мыслителя. В формальном отношении тексты приближаются к суждениям философского характера. А стремление к структурированности выводов и посылок обнаруживается и в расположении текстов в числовой последовательности. Следует оговорить, что нумерация присуща оглавлению в целом. Зеркальная трехчастная композиция, семь и восемь пунктов в каждой из частей, может сравниться с гегелевской триадой: тезис – антитезис – синтез.

Аналитическое рассмотрение заголовочного комплекса книги как единого текста позволяет говорить об авторе как об исполнителе одновременно нескольких ролей: литературный критик предстает и как писатель, воспринимающая собственную деятельность как художественное творчество, и как философ-мыслитель, представляя на суд читателя жанры в формате эссе и философских размышлений, и как литературовед, академический ученый, оформивший свои суждения с опорой на требования к строгости изложения и организации материала. Именно заглавие в работах Виноградова нередко занимает центральное положение, несмотря на, казалось бы, второстепенную роль данного компонента, принадлежащего рамочному тексту. Заглавие становится тем элементом, который организует композицию и придает ей единство. Знаковость и значимость этого компонента проявляется в том, что заглавие из

формальной для критического текста необходимости перерастает в сущностный индикатор особенностей критической системы Виноградова. Дешифровка такого скрепляющего звена одной цепи суждений в книге позволяет увидеть не только внешнее единство суждений, но и их идейно-семантическую близость.

Сюжет как скрепляющий фактор

В вопросе о хронотопической организации сборников Виноградова как залого целостности литературно-критической книги не менее важно, что главным скрепляющим фактором становится наличие сюжета. Из перечисления смысловых частей книги («Философский роман Лермонтова»; «Испытание Писаревым»; «Диалог Белинского и Достоевского»; «Вопросы и ответы Льва Толстого»; «Реализм в высшем смысле»; «Завещание Мастера») становится очевидно, что в каждой из них в центре оказывается личность. Виноградов дает портретную характеристику внутреннего облика писателя, критика, литературного персонажа. И можно видеть, что при расположении статей критик руководствовался отнюдь не хронологическим принципом.

Книга «По живому следу. Духовные искания русской классики» насыщена евангельскими образами и мотивами, вследствие чего представляется возможным выделить в ее смысловой структуре основополагающий мотив, или семантическое поле, «вера/неверие»: «каких только ярлыков ... не удостоивался Писарев, лишь бы не быть причисленным к лику революционно-демократических святых нашего отечественного Пантеона!»; «самая юная и страстная пора исповедания и проповеди»; «Крещение, которое принимало тогдашнее традиционное интеллигентское сознание ...»; «Писарев оказался пророчески прав...»; «Благими намерениями вымощена дорога ...»; «... любая ирония над “святым горением” здесь вряд ли уместна»¹⁶). И на уровне отдельных статей можно обнаружить такое построение статьи, при котором связь разрозненных тезисов становится очевидной. Примером может выступить высказывание о Писареве. Интенция Виноградова определяется задачей убедить в том, что мировоззрение Писарева определяется отсутствием духовности.

В обеих книгах, имеющих как практическую, так и теоретическую значимость, критик разворачивает два сюжета. Первый посвящен проблеме, каким должно быть искусство. Второй же относится к духовной жизни писателей и критиков, ибо, с точки зрения Виноградова, нельзя проводить строгую границу между искусством и действительностью. Вследствие такого подхода, для критика аксиомой является убеждение в том, что образ мышления писателя непосредственно отображается на его литературной деятельности.

¹⁶ См.: Виноградов И.И. По живому следу: Духовные искания русской классики: Литературно-критические статьи. М.: Сов. писатель, 1987. С. 59–68 [14].

При рассмотрении книги как структурно-семантического единства нельзя не отметить значимость художественной (литературной) составляющей. На данном этапе наших рассуждений акцент будет сделан на описании форм авторского присутствия в тексте. Стремление к логичности и продуманности композиции, а также придание статьям единообразного вида, желание соблюсти в стилистике статей единообразие говорят о критике как о литераторе, демонстрируют художественную сторону литературно-критических книг. Образ автора в литературно-критических статьях Виноградова варьируется в зависимости от предмета размышлений и в соответствии с характером подобранного ракурса. Однако можно выделить несколько наиболее частотных позиций, с высоты которых критик предпочитает строить диалог с аудиторией читателей.

В первую очередь эмоциональность, темпераментность, в наибольшей степени проявляется в корпусе публицистических работ критика. И.И. Виноградов выступает в роли оратора, декламатора, основной целью которого становится убеждение. Работам присуща глубокая личная вовлеченность автора в рассматриваемый круг проблем, что в немалой степени отражается на особенностях стиля. Автор предстает и как оратор, и как литератор, наделяя тексты эпиграфами, и как ритор-публицист.

Дневниковость не характерна для работ Виноградова: над желанием откровенно продемонстрировать характер собственных взглядов и предпочтений доминирует потребность объективно изложить сущность рассматриваемой проблемы. Можно говорить о том, что критик, по своей манере изложения, более близок к объективному стилю изложения. В то же время не только избранный угол зрения, но и круг поднимаемых тем демонстрируют сугубо индивидуальную позицию критика, его личную заинтересованность в тех вопросах, которые оказываются в фокусе внимания.

Так, например, крайняя вовлеченность в отображение духовно-биографического пути Писарева, а также в пережитую им трагедию и тот факт, что творчество критика так и не получило должного, с точки зрения Виноградова, осмысления, вероятно, обуславливается тем, что Виноградов на личном опыте пережил подобную мировоззренческую коллизию. И поэтому можно говорить о том, что выбор для анализа того или литературного факта в немалой степени продиктован глубинными личностными и мировоззренческими факторами.

Виноградов как литературный критик второй половины XX века ведет полемическую дискуссию одновременно с В.Г. Короленко, С.А. Венгеровым, Н.К. Михайловским, Р.В. Ивановым-Разумником, а также с Г.В. Плехановым, В.И. Лениным, А.В. Луначарским. Несмотря на кажущееся многоголосие, в статьях не образуется хаотичного хора голосов, ибо диалог с каждым мыслителем встраивается в логичную и непротиворечивую композицию текста, а также непринужденно встраивается в общий ход рассуждений и концепцию статьи.

Вне зависимости от рассматриваемого материала критик исследует особенности мировоззрения, а также ситуации, при которых уклонение от истинной веры губительным образом воздействует не только на биографию того или иного художника, но и на его творчество. Значимость для критика вопроса о духовности отображается в мотивной структуре. Неоднократно Виноградов поднимает вопрос о духовности в поисках наиболее точного её определения: одно из возможных постулируется им как осознание духовного состояния другого и единства с ним и с Абсолютом.

Фактор скрепления статей в некое единство – возникновение связей на идейном уровне.

Можно с достаточной степенью определенности утверждать, что центральный вопрос для Виноградова – взгляд на наследие того или иного литератора с точки зрения «мировоззренческого портретирования»¹⁷.

Идейную (философскую) программу Виноградова возможно реконструировать, так как книги образуют единый метасюжет. Методика Виноградова отличается тем, что во многих работах, в частности цикле статей о Толстом, критик отказывается от анализа художественных свойств текстов писателя, вместо этого делая акцент на интерпретации историософии. Благодаря такому подходу, критик создает рисунок духовной жизни писателя сквозь призму написанных им в разные периоды текстов. Граница между творцом художественного произведения и автором в значении действительного биографического лица, таким образом, стирается. Так, например, в цикле статей о Толстом статья о романе «Семейное счастье» является точкой отсчета. Интерес критика лежит в плоскости душевной и духовной биографии Толстого. Но если принять во внимание другие работы Виноградова, то станет заметно, что автор руководствуется тем же подходом. В статьях о Писареве, Белинском оценке и критическому анализу подвергается не совокупность творческого наследия, а идейный уровень написанного литераторами в целях выявить внутренние условия, ставшие причиной той или иной концепции.

Если задаться вопросом о скрепляющем все книги звене, то станет очевидной необходимость более детально рассмотреть образ автора в текстах. Связь книг, которые разделяют два десятка лет, легко обнаружить в предисловии к сборнику 1987 года, где Виноградов говорит о единой цели статей: «сугубая актуальность для наших дней той духовной проблематики, что была рождена ситуацией религиозного кризиса ...» [14, с. 5].

Методологические воззрения автора в хронотопическом отражении

Категория хронотопа в теории литературной критики приобретает свою специфику. Использование данного понятия при рассмотрении поэтики тако-

---

¹⁷ См.: Виноградов И.И. По живому следу: Духовные искания русской классики: Литературно-критические статьи. С. 4 [14].

го жанра, как книга литературно-критических статей, обоснованно, потому что автор выступает здесь и как литератор, и как автор манифеста, в котором подводится промежуточный итог профессиональной деятельности. Образуется единство внешнее и внутреннее, что является сущностью центрального понятия.

В случае с книгами Виноградова можно говорить не только о структурно-семантических единствах, но и о форме, присущей возрождающемуся в 1960-е году философскому методу в литературной критике. Главный вопрос для Виноградова – поиск истоков религиозного кризиса, или «ситуации открытого сознания». Общий упадок культуры связывается критиком с отступлением от религиозного мировоззрения (Л.Н. Толстой, Д.И. Писарев, В.Г. Белинский), по этой причине этический подход доминирует над эстетическим взглядом. На уровне отдельных высказываний критик нередко выступает как автор афоризмов, граничащих с философскими аксиомами, в целях предложить некое назидание для современников. Центральной для критика задачей становится извлечение нравственных уроков из опыта писателей и критиков.

Как философская, так и публицистическая составляющая присутствуют в каждой работе. Однако в данной книге их наличие проявляется наиболее ярко, ибо критик оторван от связанных с сугубо литературной жизнью вопросов. Благодаря развернутым суждениям о природе эстетического характера, можно говорить о том, что в книге утверждается эстетика Виноградова.

Работы Виноградова отличает чрезвычайная идейная концентрация. Однако лейтмотивом, или центральной проблемой, большинства работ становится духовная проблематика, ибо его в первую очередь интересует духовное состояние писателя или критика. В связи с этим сферу интересов Виноградова можно определить как погружение в исследование духовной биографии русских писателей и мыслителей. Виноградов разрабатывает вопрос о том, как мировоззренческий опыт писателя воздействует на область его литературного творчества, а также посредством углубления в смысловую структуру произведений прошлого стремится продемонстрировать значимые для современного общества в целом тенденции в духовной жизни. В связи со всем сказанным выше можно сделать вывод о том, что связывающим пространственно-временную организацию критического суждения Виноградова компонентом является авторское сознание, которое выступает гарантом целостности дискретных на первый взгляд текстов. А литературный критик предстает в роли духовного биографа русских писателей-классиков, ибо в фокусе его внимания находится «духовное становление писателя».

Список литературы

- 1.Летина Н.Н. Российский хронотоп в культурном опыте рубежей (XVIII–XX вв.). Ярославль: Изд-во ГОУВПО «ЯГПУ им. К.Д. Ушинского», 2009. 257 с.
- 2.Тамарченко Н.Д. Хронотоп // Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий / под ред. Н.Д. Тамарченко. М.: Изд-во Кулагиной, 2008. С. 287–288.

3. Ирза Н.Д. Хронотоп // Культурология XX век. Энциклопедия. В 2 т. Т. 2 / гл. ред., сост. и авт. проекта С.Я. Левит; отв. ред. Л.Т. Мильская. СПб.: Университетская книга, 1998. С. 909–910.
4. Левина Л.А. Взаимодействие точек зрения и хронотопа на материале романа Хилари Мантел «An Experiment in Love» // Альманах современной науки и образования. 2013. № 6(73). С. 95–98.
5. Едошина И.А. Смысл и функции заголовочного текста книги «Столп и утверждение истины» свящ. П.А. Флоренского // Соловьевские исследования. 2016. Вып. 4(52). С. 135–149.
6. Штейнгольд А.М. Анатомия литературной критики (природа, структура, поэтика). СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. 200 с.
7. Зверева Ю.В. Философская критика 90-х годов XIX века: на материале статей Ю.Н. Говорухи-Отрока и А.Л. Волынского: дис. ... канд. филол. наук. Пермь, 2006. 171 с.
8. Хализев В.Е. В кругу филологов. М.: Прогресс-Плеяда, 2011. 360 с.
9. Чупринин С.И. Творческая индивидуальность критики и литературный процесс 1960–1980-х годов: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1993. 37 с.
10. Менцель Б. Гражданская война слов. Российская литературная критика периода перестройки. СПб.: Академический проект, 2006. 400 с.
11. Биуль-Зедгинидзе Н. Литературная критика журнала «Новый мир» А.Т. Твардовского (1958–1970 гг.). М.: Культурно-просветительский центр «Первопечатник», 1996. 439 с.
12. Соيفер В.Н. Жизнь и судьба Игоря Виноградова [Электронный ресурс]. URL: <http://novymirjournal.ru/index.php/projects/preprints/179-soifer-vinogradov> (Дата обращения: 12.03.2020).
13. Виноградов И.И. Духовные искания русской литературы. М.: Русский путь, 2005. 672 с.
14. Виноградов И.И. По живому следу: Духовные искания русской классики: Литературно-критические статьи. М.: Сов. писатель, 1987. 384 с.

References

1. Letina, N.N. *Rossiyskiy khronotop v kul'turnom opyte rubezhey (XVIII–XX vv.)* [The Russian Chronotope in the Cultural Experience of Frontiers (XVIII–XX Centuries)]. Yaroslavl': Izdatel'stvo GOUVPO «YaGPU im. K.D. Ushinskogo», 2009. 257 p.
2. Tamarchenko, N.D. Khronotop [Chronotope], in *Pojetika: slovar' aktual'nyh terminov i ponjatij* [Poetics: a dictionary of relevant terms and concepts]. Moscow: Izdatel'stvo Kulaginoy, 2008, pp. 287–288.
3. Irza, N.D. Khronotop [Chronotope], in *Kul'turologiya XX vek. Entsiklopediya. V 2 t., t. 2* [Culturology XX century.]. Saint-Petersburg: Universitetskaya kniga, 1998, pp. 909–910.
4. Levina, L.A. Vzaimodeystvie toчек zreniya i khronotopa na materiale romana Khilari Mantel «An Experiment in Love» [The interaction of points of view and chronotope on the material of the novel by Hilary Mantel “An Experiment in Love”], in *Al'manakh sovremennoy nauki i obrazovaniya*, 2013, no. 6(73), pp. 95–98.
5. Edoshina, I.A. Smysl i funktsii zagolovochnogo teksta knigi «Stolp i utverzhenie istiny» svyashch. P.A. Florenskogo [Sense and functions of the heading text in book “Pillar and statement of the truth” by priest P.A. Florensky], in *Solov'evskie issledovaniya*, 2016, issue 4(52), pp. 135–149.
6. Shteyngol'd, A.M. *Anatomiya literaturnoy kritiki (priroda, struktura, poetika)* [Anatomy of literary criticism (Nature, Structure, Poetics)]. Saint-Petersburg: Dmitriy Bulanin, 2003. 200 p.
7. Zvereva, Yu.V. *Filosofskaya kritika 90-kh godov XIX veka: na materiale statey Yu.N. Govorukhi-Otroka i A.L. Volynskogo*. Diss. ... kand. filol. nauk [Philosophical criticism of the 90s of the XIX century: Based on articles by Yu.N. Govorukhi-Otroka and A.L. Volynsky. Cand. philol. sci. diss.]. Perm', 2006. 171 p.
8. Khalizev, V.E. *V krugu filologov* [In the circle of philologists.]. Moscow: Progress-Pleyada, 2011. 360 p.

9. Chuprinin, S.I. *Tvorcheskaya individual'nost' kritiki i literaturnyy protsess 1960–1980-kh godov*. Avtoref. diss. ... d-ra filol. nauk [Creative individuality of criticism and the literary process of the 1960–1980s. Abstr. Dr. philol. sci. diss.]. Moscow, 1993. 37 p.

10. Mentsel', B. *Grazhdanskaya voyna slov. Rossiyskaya literaturnaya kritika perioda perestroiki* [Civil War of Words. Russian literary criticism of the perestroika period]. Saint-Petersburg: Akademicheskii proekt, 2006. 400 p.

11. Biul'-Zedginidze, N. *Literaturnaya kritika zhurnala «Novyy mir» A.T. Tvardovskogo (1958–1970 gg.)* [Literary criticism of the magazine “New World” by A.T. Twardowski]. Moscow: Kul'turno-prosvetitel'skiy tsentr «Pervopechatnik», 1996. 439 p.

12. Soyfer, V.N. *Zhizn' i sud'ba Igorya Vinogradova* [Life and fate of Igor Vinogradov]. Available at: <http://novymirjournal.ru/index.php/projects/preprints/179-soifer-vinogradov> (Data obrashheniya: 12.03.2020).

13. Vinogradov, I.I. *Dukhovnye iskaniya russkoy literatury* [Spiritual Searches of Russian Literature]. Moscow: Russkiy put', 2005. 672 p.

14. Vinogradov, I.I. *Po zhivomu sledu: Dukhovnye iskaniya russkoy klassiki: Literaturno-kriticheskie stat'i* [Following the Living Trail: The Spiritual Searches of Russian Classics: Literary and Critical Articles]. Moscow: Sovetskiy pisatel', 1987. 384 p.